

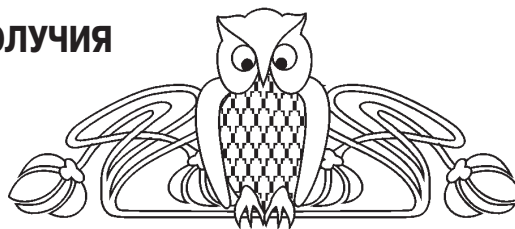

УДК 316.6

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Бочарова Елена Евгеньевна –

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет
E-mail: bocharova-e@mail.ru

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования взаимосвязи субъективного благополучия и личностной саморегуляции представителей разных этногрупп. Эмпирическое исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке студенческой молодежи (г. Саратова), причисляющих себя к русскому и татарскому этносам ($n = 60$, женского и мужского пола; 18–20 лет), с применением психодиагностического инструментария: «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), опросника В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения и деятельности» (ССПМ), «Шкалой субъективного благополучия» (М. В. Соколовой), методов сравнительного и корреляционного анализов. Установлено, что субъективное благополучие в сфере этнического у русских связано с выстраиванием приоритетов в отношениях со значимыми Другими, невзирая на их этническую приверженность, с реализацией конструктивных стратегий социальной мобильности, пластичности. В выборке татар наблюдается рациональная согласованность последовательного планирования с предвосхищением ожидаемых результатов и проявлением способности быстро ориентироваться в меняющейся ситуации, что является механизмом поддержания субъективного благополучия в сфере этнического.

Ключевые слова: личность, этногруппа, личностная саморегуляция, этнические установки, субъективное благополучие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-65-70

В числе актуальных проблем современной психологии весьма существенной является выявление этнопсихологических характеристик взаимосвязи субъективного благополучия и саморегуляции личности, определяющих в своей совокупности систему регуляции поведения личности в условиях поликультурного многообразия. Весьма значимыми являются фиксация доминирующих тенденций социальных процессов, протекающих в группах (этногруппах) и в обществе в целом, их влияние на процессы саморегуляции и самоорганизации личности, а также условий, способствующих повышению роли личности в качестве субъекта социальных, этносоциальных отношений.

Проблема выявления природы саморегуляции личности, описания путей ее формирования и развития в настоящее время изучается в различных отраслях психологической науки. Повышение научного и практического интереса к этому личностному свойству неслучайно. Это обуслов-

лено, прежде всего, тем, что в силу происходящих в обществе социальных трансформаций необходимость самовыражения, самостоятельности, выбора человеком своего независимого пути, своего способа жизнедеятельности становится все более актуальной. Кроме того, это расширяет возможности выявления психологических особенностей самореализации личности в зависимости от её социально-демографических, национально-этнических и индивидуально-типологических особенностей, её социокультурного окружения. Важным становится и выявление механизмов реализации своих возможностей в разных сферах социальных практик, способствующих совершенствованию значимых ресурсов своего «Я», что в немалой степени отражается на переживании благополучия и неблагополучия.

Традиционно саморегуляция определяется психологами как способность личности к устойчивому функционированию в различных условиях жизнедеятельности. В контексте структурно-функционального подхода саморегуляция понимается как системно организованный психический процесс по инициализации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, который направлен на достижение принимаемых субъектом целей в единстве своих энергетических, динамических и содержательно-смысловых аспектов (Э. А. Голубева, О. А. Конопкин, А. И. Крупнов, В. И. Моросанова, Г. С. Прыгин).

Саморегуляция личности представляет собой сложную функциональную, многоуровневую, динамическую систему, комплекс психологических образований. Исходным в данном комплексе является установочно-целевой компонент, в котором интегрируются конкретные цели, установки, намерения и общая программа инструментально-смыслового обеспечения, и реализация того или иного отношения в конкретных условиях поведения и деятельности. Как показано в ряде работ [1, 2], интегральным, системообразующим психологическим механизмом регуляции социального поведения

личности является ее направленность на саморегуляцию и самоорганизацию, детерминируемая особенностями взаимодействия её интра- и интерструктур.

Известен и тот факт, что саморегуляция реализуется разными психическими средствами: образами (С. Д. Смирнов, Н. Д. Завалова, В. А. Пономаренко), понятиями, знаниями, чувствами (Е. А. Климов, Е. Л. Яковлева), регуляторным опытом (А. К. Осницкий), установками (Е. В. Шорохова, В. А. Ядов, В. В. Новиков, М. А. Цискаридзе и др.), интроецированными нормами (М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова), мнениями и ценностями значимых Других (Е. Р. Калитеевская, Д. А. Леонтьев и др.), ценностной системой, системой представлений личности о себе, зафиксированной в образе «Я», притязаниями личности. В целом указанный набор психологических феноменов, с одной стороны, отражает представления об организации личностной саморегуляции, с другой – свидетельствует о том, что саморегуляция выступает механизмом, «обеспечивающим согласованность и координацию “иностраных и разноуровневых”» систем личности [3, с. 57], в то же время предусматривающим (согласно П. К. Анохину) наличие обратной связи в ходе реализации любого человеческого акта. Действительно, как отмечает И. Г. Дубов, «саморегуляция может при необходимости описываться и как совокупность процессов реализации притязаний (а процесс реализации притязаний – как широко понимаемая саморегуляция). Так же неоспоримо и то, что уровень удовлетворенности индивида так или иначе влияет на уровень его притязаний» [4, с. 19]. Об эффективности взаимодействия процессов саморегуляции, «обеспечивающих согласованность и координацию “иностраных и разноуровневых”» систем личности, свидетельствует чувство субъективного благополучия, ключевыми причинами которого являются состоявшиеся самореализация, самоактуализация.

Следует отметить, что теоретическая и исследовательская деятельность в этой области разворачивается вокруг таких понятий, как личностная саморегуляция и саморегуляция деятельности, внутренняя близость которых связана с взаимодополнением друг друга. И в той, и в другой, как уточняет А. К. Болотова, имеют место регуляция действий и регуляция отношений, но в саморегуляции деятельности преобладает регуляция действий, а в саморегуляции личности – регуляция отношений [5]. Отметим, что регуляция жизнедеятельности человека со стороны объективных отношений, связывающих его с миром, принимает форму саморегуляции, осуществляемой личностью – психологической

структурой, в которой в специфической форме представлены и упорядочены эти отношения.

Не менее существенным является и то, что в разных сферах жизнедеятельности личности структурная организация саморегуляции и межфункциональных взаимосвязей отличается вариативностью уровневых характеристик. Подтверждением тому являются данные ряда исследований, выполненных Т. А. Индиной [6], А. К. Осницким [7], В. И. Моросановой [8], З. И. Рябикиной [9] и др.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного корпуса исследований в области психологии саморегуляции, проблема личностной саморегуляции в соотношении с субъективным благополучием в сфере этнического не получила должного внимания и сохраняет свою значимость. Прежде всего, отметим, что этносоциальная и конфессиональная ситуации в обществе актуализируют исследовательский интерес к изучению этнопсихологической проблематики, в том числе и применительно к проблемам личностной саморегуляции, поскольку в «процессе саморегуляции раскрываются внутренние резервы человека, дающие ему относительную свободу от обстоятельств, обеспечивающие даже в самых трудных условиях возможность актуализации» [10, с. 56]. Становление особенностей саморегуляции личности происходит в процессе социализации при одновременном влиянии основных составляющих социально-исторического образа жизни: культурно-исторического опыта и факторов, вызванных социально-экономическими изменениями в общественной жизнедеятельности. Этнокультурная причастность личности во многом обуславливает различия в поведении, переживании психических состояний, отражающихся в индексе субъективного благополучия и способах их регуляции. Подтверждением тому являются данные ряда исследований, выполненных Е. Е. Бочаровой [11], В. В. Гриценко [12], А. О. Прохоровым, И. Г. Ларионовой [13], Р. М. Шамионовым [14] и др.

Эмпирически установлен факт наличия этнодифференцирующих признаков структурной организации саморегуляции [11, 13]. Полученные эмпирические материалы выполненного нами исследования показали, что в отличие от татарской выборки, характеризующейся проявлением устойчивости (возможно, социальной «ригидности») поведенческих паттернов, стратегий их реализации в достижении намеченных целей, объясняемой тесной «привязанностью» к этносоциальным нормам, представители русского этноса демонстрируют большую пластичность, готовность к самоизменению, акту-

ализации стратегий социальной мобильности, невзирая на их приверженность тем или иным этническим нормам и предписаниям.

Согласно данным сопоставительного анализа выраженности параметров субъективного благополучия, выполненного на выборке студенческой молодежи, причисляющих себя к русскому и татарскому этносу ($n = 60$, женского

и мужского пола, 18–20 лет), с применением «Шкалы субъективного благополучия» (М. В. Соколовой), основанием переживания субъективного благополучия в выборке русских является удовлетворенность своей повседневной деятельностью на фоне достаточно выраженной эмоциональной лабильности и тревожности (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность показателей субъективного благополучия у представителей русского и татарского этноса

Группы и показатели субъективного благополучия	НЧ	ПС	ИН	ЗСО	СОЗ	УПД	Индекс субъективного благополучия
Русские	9,23	10,6	3,63	5,07	4,66	8,48	42,26
Татары	12,25	14,66	5,86	8,61	7,13	10,39	58,66
Коэффициент Стьюдента	4,45**	3,57**	3,97**	5,38**	4,24**	2,62*	5,58**

Примечание. НЧ – напряжённость и чувствительность; ПС – психосимптоматика; ИН – изменчивость настроения; ЗСО – значимость социального окружения; СОЗ – самооценка здоровья; УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; индекс субъективного благополучия – интегральный показатель субъективного благополучия; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Отметим, что данная категория респондентов (русские) в оценке своего благополучия в большей степени ориентирована на достижение намеченных целей и возможность проявления самостоятельности и независимости.

В отличие от русских, в оценке своего благополучия представители татарской этногруппы ориентируются преимущественно на внешние критерии – признание окружающих. Например, стремление к достижению желаемых результатов сопровождается ожиданием поддержки, одобрения и признания окружающих. Необходимо сказать, что татарская выборка отличается более выра-

женной психоэмоциональной неустойчивостью, лабильностью настроения, что находит выражение в индексе субъективного эмоционального благополучия. Резюмируя сказанное, отметим, что в оценке своего благополучия представители татарской этногруппы ориентируется преимущественно на признание значимых Других, представители русской этногруппы – на возможность проявления самостоятельности и независимости.

Обратимся к анализу структуры корреляционных взаимосвязей между параметрами этноустановок, саморегуляции и субъективного благополучия личности исследуемых групп (рис. 1, 2).

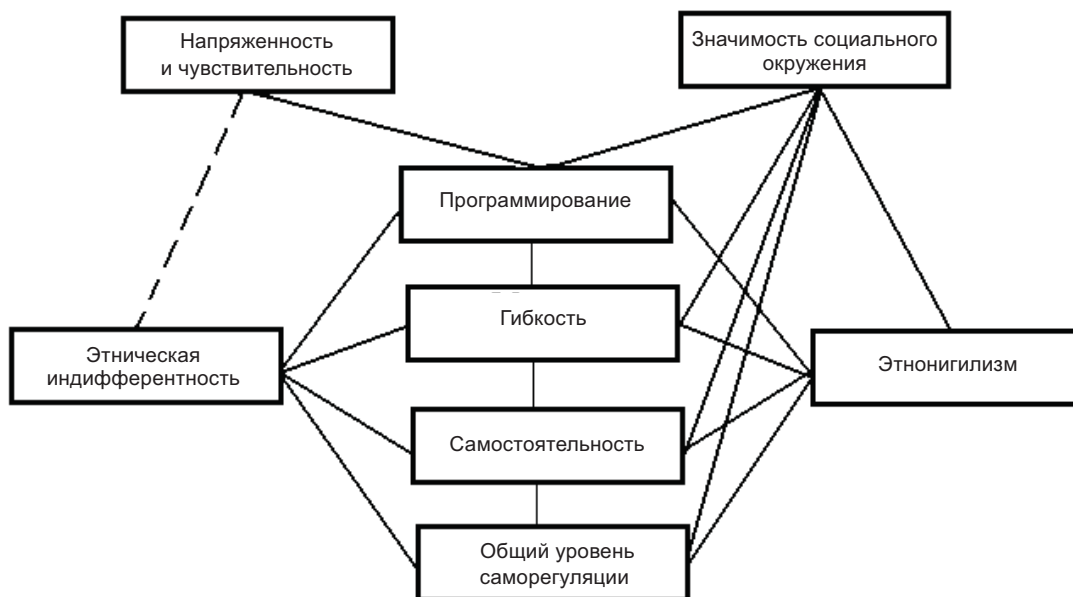

Рис. 1. Структурограмма корреляционных взаимосвязей между параметрами этноустановок, саморегуляции и субъективного благополучия в выборке русской молодежи

В выборке русских, прежде всего, обращает на себя внимание наличие межфункциональных взаимосвязей между такими функциональными звеньями саморегуляции, как «программирование», «гибкость», «самостоятельность» и «общий уровень саморегуляции» ($r_{\text{ср}} = 0,366; p < 0,01$), образуя функциональное ядро, обеспечивающее согласованность паттернов субъектного благополучия («напряженность и чувствительность», «значимость социального окружения») и этноустановок («этническая индифферентность», «этнонигилизм»). В целом субъективное благо-

получие в сфере этнического у представителей русской молодежи преимущественно связано с выстраиванием приоритетов в отношениях с внешними (значимыми) Другими, невзирая на их этническую приверженность, с реализацией конструктивных стратегий социальной мобильности, пластичности.

В выборке представителей татарской молодежи функциональное ядро саморегуляции отражает тесную взаимосвязь функциональных звеньев саморегуляции – «планирование», «моделирование», «оценка результатов» ($r_{\text{ср}} = 0,466; p < 0,01$) (рис. 2).

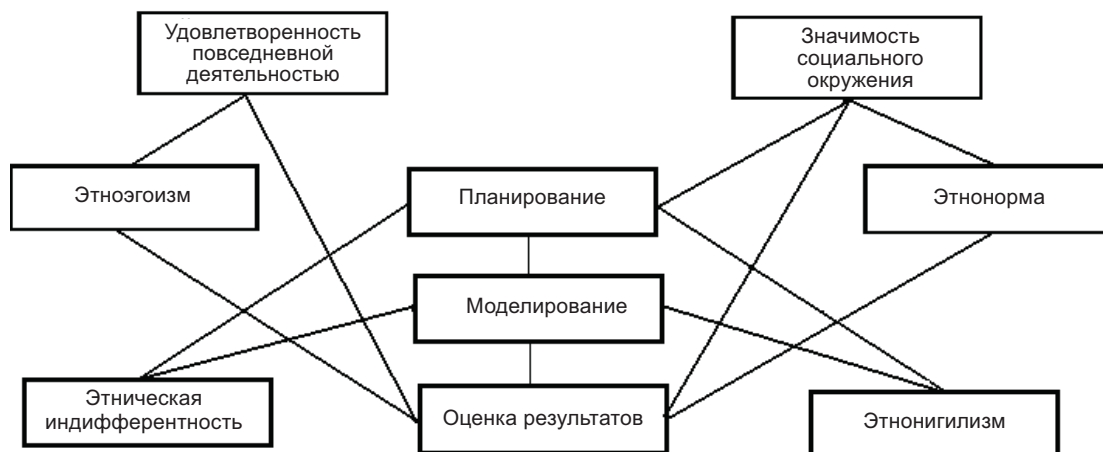

Рис. 2. Структурограмма корреляционных взаимосвязей между параметрами этноустановок, саморегуляции и субъективного благополучия в выборке татарской молодежи

Эти данные можно интерпретировать как свидетельство рациональной согласованности последовательного планирования с предвосхищением ожидаемых результатов и проявлением способности быстро ориентироваться в меняющейся ситуации. Это функциональное ядро является механизмом согласованности паттернов субъектного благополучия («удовлетворенность повседневной деятельностью», «значимость социального окружения») и этноустановок («этническая индифферентность», «этнонигилизм», «этнонорма», «этноэгоизм»). Примечательно, что планирование и моделирование сопряжены с нивелированием этнической приверженности и, напротив, удовлетворенность результатами достижения приводит к гипертрофированному проявлению этнических установок, сопровождающемуся переживанием собственной значимости, гордости.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что паттерны саморегуляции личности во взаимосвязи с субъективным благополучием во многом обусловлены этнодифференцирующими признаками.

Список литературы

1. Кудинов С. И. Комплексная детерминация самореализации личности // Комплексные исследования личности : методология, теория, практика : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 сентября 2012 г.). М., 2012. С. 4–8.
2. Крупнов А. И. Активность, направленность и саморегуляция в психологической структуре индивидуальности человека // Психология и психофизиология индивидуальных различий в активности и саморегуляции поведения человека. Свердловск, 1987. С. 3–15.
3. Абульханова К. А. Субъектно-личностные проблемы психологии саморегуляции // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 57.
4. Дубов И. Г. Социально-психологические аспекты активности. М. ; СПб. 2012. 536 с.
5. Болотова А. К. Человек и время в ситуации социальной нестабильности // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 38–44.
6. Индина Т. А. Регуляторные предпосылки рациональности и эффективности принятия решений / Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 291–303.
7. Осницкий А. К. Развитие саморегуляции как условие успешности профессионального самоопределения и

- обучения // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 304–313.
8. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции : феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998. 184 с.
 9. Рябикина З. И. Психология саморегуляции с позиций субъективно-бытийного подхода к личности // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 126–141.
 10. Знаков В. В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопр. психол. 1994. № 2. С. 55–63.
 11. Бочарова Е. Е. Структурно-содержательные характеристики саморегуляции социального поведения личности представителей разных этногрупп // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 84–88.
 12. Гриценко В. В. Исследование субъективного благополучия русских и хакасов в условиях общественно-экономических перемен // Проблемы социальной психологии личности. Саратов, 2004. С. 132–147.
 13. Прохоров А. О., Ларионова И. Г. Этнокультуральная идентичность и саморегуляция психических состояний (на примере русских и татар) // Психол. журн. 2007. Т. 28, № 6. С. 59–60.
 14. Шамионов Р. М. Психология социального поведения личности. Саратов, 2009. 186 с.

Ethnopsychological Peculiarity of the Relationships of Subjective Well-being and Personal Self-regulation

E. E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: bocharova-e@mail.ru

The article presents theoretical and empirical study of relationships of subjective well-being and personal self-regulation of representatives different ethnogroups are presented. Empirical research is executed to in proportion the picked-up selection of student's youth (Saratov), ranking themselves as the Russian and Tatar ethnos ($n = 60$, female and male; 18–20 years old) with use of psycho-diagnostic tools: «Types of ethnic identity» (G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova), V. I. Morosanova's questionnaire «Style of self-control of behavior and activity» (SSPM), «The scale of subjective well-being» (M. V. Sokolova), methods of comparative and correlation analyses. It is established that the subjective well-being in an ethnic Russian in due to the alignment of priorities in relations with significant others, regardless of their ethnic commitment to the implementation of the design strategies of social mobility, plasticity. In a sample of Tatars observed rational consistency succession planning with anticipation of the expected results and demonstrated ability to quickly navigate the changing landscape that serves as a mechanism of maintaining the subjective well-being in the field of ethnic.

Key words: personality, ethnogroup, personal self-control, ethnic orientations, subjective well-being.

References

1. Kudinov S. I. Kompleksnaya determinatsiya samorealizatsii lichnosti (Complex determination of personality's self-realization). *Kompleksnyye issledovaniya lichnosti: metodologiya, teoriya, praktika : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moscow, 27–28 sentyabrya 2012 g.)* (Complex investigations of personality: methodology, theory, practice. Materials of international scientific and practical conference. Moscow, 2012 September 27–28). Moscow, 2012, pp. 4–8.
2. Krupnov A. I. Aktivnost, napravlennost i samoregulyatsiya v psikhologicheskoy strukture individual'nosti cheloveka (Activity, orientation and self-regulation in psychological structure of human individuality). *Psikhologiya i psikhofiziologiya individualnykh razlichiy v aktivnosti i samoregulyatsii povedeniya cheloveka* (Psychology and psycho-physiology of individual differences in activity and self-regulation of human behavior). Sverdlovsk, 1987, pp. 3–15.
3. Abulkhanova K. A. Sub'ektno-lichnostnye problemy psikhologii samoregulyatsii (Subjective-personal problems of self-regulation psychology). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow, 2011. P. 57.
4. Dubov I. G. *Sotsialno-psikhologicheskie aspekty aktivnosti* (Social-psychological aspects of activity). Moscow; St.-Petersburg, 2012. 536 p.
5. Bolotova A. K. Chelovek i vremya v situatsii sotsial'noy nestabil'nosti (Human and time at situation of social instability). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. (Social sciences and modernity). 1997, no. 6, pp. 38–44.
6. Indina T. A. Regulyatornye predposylki ratsional'nosti i effektivnosti prinyatiya resheniy (Regulative prerequisites of rationality and effectiveness of decision-making). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow, 2011, pp. 291–303.
7. Osnitskiy A. K. Razvitie samoregulyatsii kak uslovie uspehnosti professional'nogo samoopredeleniya i obucheniya (Development of self-regulation as condition of success of professional self-determination and learning). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow. 2011, pp. 304–313.
8. Morosanova V. I. *Individual'nyy stil samoregulyatsii: fenomen, struktura i funktsii v proizvo'noy aktivnosti cheloveka* (Individual style of self-regulation: phenomenon, structure and functions in person's voluntary activity). Moscow, 1998. 184 p.
9. Ryabikina Z. I. Psikhologiya samoregulyatsii s pozitsiy sub'ektivno-bytiynogo podkhoda k lichnosti (Self-regulation psychology from position of subjective-being approach to personality). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow, 2011. pp. 126–141.
10. Znakov V. V. Kategorii pravdy i lzhi v russkoy dukhovnoy traditsii i sovremennoy psikhologii ponimaniya (Categories of truth and false in Russian spiritual tradition and in

modern psychology of understanding). *Voprosy Psikhologii* (Voprosy Psychology), 1994, no. 2, pp. 55–63.

11. Bocharova E. E. Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki samoregulyatsii sotsial'nogo povedeniya lichnosti predstaviteley raznykh etnogrupp (Structural and content-rich characteristics of personality's social behavior by representatives of different ethnic groups). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 84–88.
12. Gritsenko V. V. Issledovanie sub'ektivnogo blagopoluchiya russkikh i khakasov v usloviyakh obshchestvenno-ekonomicheskikh peremen (Investigation of Russians' and Khakass' subjective well-being in conditions of social and
- economical changes). *Problemy sotsialnoy psikhologii lichnosti* (Problems of personality's social psychology), Saratov, 2004, pp. 132–147.
13. Prokhorov A. O., Larionova I. G. Etnokul'tural'naya identichnost' i samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy (na primere russkikh i tatar). (Ethno-cultural identity and self-regulation of psychic states self-regulation at example of Russians and Tatars). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2007, vol. 28, no. 6, pp. 59–60.
14. Shamionov R. M. *Psikhologiya sotsial'nogo povedeniya lichnosti* (Psychology of personality's social behavior). Saratov, 2009. 186 p.

УДК 159.1

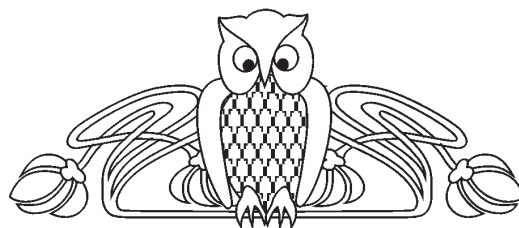
ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Краснянская Татьяна Максимовна –

доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
E-mail: ktm8@yandex.ru

Тылец Валерий Геннадьевич –

доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
E-mail: valerytylets@yandex.ru

Предметом статьи выступили феномены субъектной проекции безопасности; цель работы – демонстрация их темпорального своеобразия. Теоретический анализ и собственные эмпирические данные позволили выделить три класса темпорально своеобразных феноменов психологической безопасности: первый образован переживанием человеком ощущения, восприятия или чувства безопасности; второй – переживанием субъектом состояний безопасности различной градации; третий класс представлен различными формами реагирования субъекта на условия среды в соответствии с целями безопасности. Для феноменов психологической безопасности каждого класса обозначены их ведущие функции в психической жизни человека. Установлена связь каждого класса темпорально чувствительных феноменов психологической безопасности с индивидуальными характеристиками их субъекта. Результаты представленного исследования обозначают перспективы дальнейшей разработки проблемы психологической безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, темпоральная чувствительность, темпоральная нестабильность, потребность в безопасности, состояние безопасности, переживание безопасности, безопасное поведение.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-70-75

Вполне объяснимое для ряда последних десятилетий внимание социума к проблемам безопасности обусловило формирование разностороннего интереса к ним со стороны научного сообщества. В настоящее время безопасность утвердилась в

качестве объекта научных изысканий философии, политологии, экономики, юриспруденции, педагогики. Междисциплинарность разработки проблематики позволила не только выстроить методологию, но, что особенно важно, детализировать многие прикладные аспекты практики достижения безопасности. Помещение безопасности в исследовательское пространство психологии обеспечило признание человека не только в качестве ведущей причины её нарушения, но и ключевого фактора обеспечения [1–4]. Стимулировав научные изыскания в области психологической составляющей, оно также содействовало росту объёмов соответствующих практикоориентированных разработок [5–7]. Оформившись в научное направление примерно на рубеже веков, психология безопасности к настоящему времени выстроила собственный понятийный аппарат [8–9] и утвердила самостоятельность своего дисциплинарного статуса в предметном поле психологического знания. Вместе с тем как любая исследовательская область, продолжающая интенсивно развиваться, она сохраняет проблемные «зоны», не получившие ещё достаточной теоретико-практической визуализации и интерпретации. К ним мы относим темпоральные аспекты феномена психологической безопасности.